

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 930 (902)

DOI: 10.17223/19988613/57/27

Б.С. Попова

ПАМЯТНИКИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

*В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 8.1.41.2018
в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.*

Рассматривается история изучения ирменских древностей на территории Нижнего Притомья. Сущность историографической проблемы заключается в малой изученности нижнетомских памятников конца эпохи бронзы, что является причиной большого количества спорных мнений о происхождении, развитии и датировке памятников периода ирменской культуры в Нижнетомском регионе. Цель работы – провести анализ имеющихся исследовательских концепций по вопросам генезиса и датировки артефактов для выявления культурообразующих факторов томского варианта ирменской культуры. Автор считает, что введение в научный оборот новых репрезентативных материалов станет решением этих проблем, а также позволит досконально проанализировать своеобразие материалов ирменских комплексов в Нижнем Притомье.

Ключевые слова: ирменская культура; томский вариант; эпоха поздней бронзы; историография.

До 1950-х гг. памятники ирменской культуры на территории Западной Сибири причислялись исследователями к карасукской культуре. В 1955 г. в журнале «Советская археология» была опубликована статья Н.Л. Членовой «О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири», в которой она обосновала выделение новой культуры поздней бронзы, получившей название «ирменская» по поселению Ирмень I в Новосибирской области. Данная культура занимала пространство лесостепной полосы Западной Сибири, ограниченное на севере южной границей тайги, на востоке – р. Урюп, притоком Чулыма, на западе – междуречьем Иртыша и Ишима, на юго-западе – северо-восточнее г. Петропавловска. Н.Л. Членова считала ирменскую культуру на основной территории ее распространения достаточно однородным образованием, но допускала наличие нескольких окраинных вариантов: северо-алтайского и предгорно-алтайского на юго-востоке, большеложского на юго-западе, розановского на северо-западе [1. С. 209]. Она отстаивала короткую хронологию ирменских памятников без разделений на периоды [2. С. 24–28]. Другие ученые считали ирменскую культуру достаточно единой, но выделяли в ней несколько периодов. Сейчас обосновано разделение считавшейся некогда единой культуры на две последовательных: ирменскую и позднеирменскую [3. С. 68–69].

Нижнетомский регион (нижнее течение р. Томь от г. Томска до устья) расположен в пограничной между лесостепью и тайгой зоне. Здесь происходили активные культурные контакты лесостепного и лесного населения, которым немало способствовало наличие крупной водной артерии и большой сети малых рек. К памятникам ирменской культуры, располагавшимся в нижнем течении р. Томи, Н.Л. Членова отнесла Том-

ский могильник на Большом мысу, поселения Самусь и Басандайка [4. С. 44, 46].

С момента выделения ирменской культуры и до настоящего времени не утихают споры о ее генезисе, хронологических параметрах и локальных вариантах. Несмотря на то, что все исследователи опирались практически на одни и те же источники, выводы у них получались разные. Памятники нижнего течения Томи упоминались ими чаще всего в качестве аналогий или в составе Верхнеобского региона. Это происходило потому, что до 1990-х гг. XX в. в Нижнем Притомье не было изучено раскопками ни одного однослойного ирменского памятника, на который в своих рассуждениях могли бы опереться ученые. Исследованные поселения имели ирменский слой среди других временных горизонтов, а могильники – ирменские погребения среди захоронений других культур. Многие памятники данной территории представлены лишь сборами подъемного материала. Мнения исследователей о существовании локального, томского, варианта базируются именно на материалах этих многослойных и разновременных памятников, но пока не имеют подтверждения на материалах какого-либо однослойного памятника.

Постоянно растущее количество данных, проблема выделения локальных вариантов ирменской культуры [1. С. 209], отсутствие историографических обобщающих работ относительно нижнетомских комплексов, а также открытие ирменского памятника Чекист делают чрезвычайно актуальным вопрос происхождения и развития ирменской культуры в Нижнем Притомье. В данной статье выборка исследовательских положений обусловлена тем, что в работах нижеперечисленных ученых так или иначе был затронут интересующий нас регион. Ниже в историографическом аспекте

рассмотрены два вопроса: генезис и датировка ирменской культуры на территории Нижнего Притомья.

Вопрос о происхождении как культуры в целом, так и ее локальных вариантов всегда труден потому, что наряду с общими фактами, оказавшими влияние на всю эпоху, необходимо показать явления, характерные для отдельного варианта, влиявшие на формирование его местных особенностей. Кроме того, проблема генезиса ирменской культуры на территории Нижнего Притомья сложна по причине малой изученности самих памятников.

В 1920-х гг. С.А. Теплоуховым была выделена карасукская культура. Исследователь предполагал наличие единого андроновского базиса для начальных, сходных между собой стадий карасукской культуры в различных районах Сибири. И только спустя некоторое время, по его мнению, южные территории подверглись влиянию азиатских культур, а вот в северных районах, отрезанных от культурных центров, в том числе и в Нижнем Притомье, рассматриваемая культура надолго сохранилась в архаичной форме [5. С. 107]. Материалы с Томского могильника (Малый мыс), раскопанного А.В. Адриановым в 1889 г., С.А. Теплоухов также относил к карасукской культуре [Там же. С. 106]. Однако в 1920-е гг. исследователь еще не обладал достаточным количеством данных, чтобы увидеть явные отличия нижнетомских комплексов от местонахождений этого же времени в Минусинской котловине.

Позднее С.В. Киселев нижнетомские памятники считал близкими основному карасуковскому комплексу [6. С. 142–143]. Некоторые захоронения Томского могильника из-за наличия тагарских форм он отнес к поздней карасукской культуре, носители которой, по его мнению, пришли в низовья Томи из Минусинской котловины [Там же. С. 149]. В целом происхождение и развитие карасукской культуры он связывал с переселением населения из северного Китая сначала на Енисей (в Минусинскую котловину), где произошли встреча с андроновским населением и быстрое объединение в культурном отношении. Затем эти племена двинулись на Томь и Обь [Там же. С. 142–143, 150].

В 1944–1946 гг. профессор Томского государственного университета К.Э. Гриневич провел раскопки Басандайского городища и Басандайских курганов. В насыпи курганов и поселенческом слое городища были найдены фрагменты керамики, которые исследователь, опираясь на мнения предшественников – С.А. Теплоухова и С.В. Киселева, датировал карасукской эпохой [7. С. 144–147].

М.Н. Комарова в 1952 г. опубликовала материалы Томского могильника [8]. Находки с Малого мыса этого памятника из-за количественного преобладания предметов, аналогичных материалам андроновской культуры, она отнесла к переходному андроновско-карасуковскому времени [Там же. С. 27]. Материалы с Большого мыса, в противовес мнению С.В. Киселева, она посчитала принадлежащими носителям большебереченской культуры, синхронной минусинским памятникам начала тагарского времени [Там же. С. 42, 46]. Ее мнение разделил М.П. Грязнов, который подчеркивал, что на Томи не имеется ни одного предмета, хоть

отдаленно похожего по типу на северокитайские вещи [9. С. 39, 41]. Разница в культуре населения, оставившего погребения на мысах Томского могильника, по мнению М.Н. Комаровой, настолько велика, что невозможно отметить преемственность ни в обряде погребения, ни в формах орудий. Исследовательница говорила, что эти два памятника разделяет какая-то эпоха, еще недостаточно выявленная в районе Томска. Таким образом, на основе материалов с Томского могильника и Басандайки М.Н. Комарова предположила, что на Томи есть еще много неизвестных памятников карасуковского времени, и их открытие и изучение позволят установить особый, томский вариант карасукской культуры, на существование которого указывает керамика карасуковского типа из уже известных памятников [8. С. 45–46]. Эта локальная культура, по ее расчетам, своеобразная и самобытная, сложилась в условиях лесной области, унаследовав в орнаментации посуды некоторые традиции местного неолита, осложненные новыми орнаментальными элементами, распространенными на Томи в карасуковское время [Там же. С. 30, 50]. Таким образом, по опубликованным М.Н. Комаровой материалам можно сказать, что Томский могильник не содержит погребений ирменской эпохи. Но факт, что носители ирменской культуры жили на территории Нижнего Притомья, неоспорим, хотя исследовательница считала эту культуру карасукской [Там же. С. 45].

М.П. Грязнов, как и С.А. Теплоухов, считал, что карасукская культура распространяется на территорию Верхней Оби (до устья р. Томь). Он не принял концепцию Н.Л. Членовой о выделении ирменской культуры и предложил все культурные образования периода поздней бронзы с наличием «карасуковских черт» позиционировать как «варианты карасукской культуры» [9. С. 26]. В 1956 г. исследователь определил 10 районов сосредоточения культур карасуковского типа, а все нижнетомские памятники отнес к Томскому району. Он отмечал, что памятники Томского, Новосибирского и Верхнеобского районов очень сходны между собой по признакам материальной культуры (общим чертам керамических и формам бронзовых изделий) и образуют одну группу, приуроченную к лесостепным участкам по рекам Оби и Томи [10. С. 36–37].

Сравнивая памятники карасуковской эпохи на Верхней Оби с предшествующими им андроновскими, М.П. Грязнов утверждал, что культура местного населения на Верхней Оби развивалась на основе андроновской, потому что прослеживается преемственность в погребальном обряде, орнаментации керамики, украшениях [9. С. 36, 39]. Но в отличие от андроновской культуры, однообразной по форме на всей территории распространения, на карасуковском этапе в Сибири выработались особые, местные признаки материальной сферы, которые зависели от характерных для территории природных условий. Он отмечал, что, несомненно, имел место обмен с племенами Енисея, благодаря чему на Обь попадали отдельные бронзовые изделия. При этом каких-либо элементов культуры монгольского или северокитайского происхождения ни в формах вещей, ни в расовом типе на Оби и Томи, по мнению ученого, не наблюдается [Там же. С. 39, 40–41].

Н.Л. Членова, как было сказано выше, выделила ирменскую культуру и ее четыре окраинных варианта. Эту культуру она отнесла к северной разновидности культур карасукского типа. В отличие от С.В. Киселева Н.Л. Членова отрицала генетическую связь собственно карасукской и андроновской культур, но считала, что андроновская основа имела место во всех северокарасукских культурах [4. С. 48; 11. С. 17–19]. Таким образом, исследовательница отрицала карасукский характер памятников Западной Сибири, а генезис ирменской культуры расценивала как результат взаимодействия андроновской и лесных культур при опосредованном влиянии карасукских племен Минусинской котловины [4. С. 49, 55]. Она не выделяла локальный вариант ирменской культуры, который мог бы существовать в низовьях р. Томи. Таким образом, М.П. Грязнов был первым, кто предположил существование Томского района карасукской культуры.

А.И. Мартынов считал вполне целесообразным выделение локальных сибирских культур карасукского типа. Вместе с тем он предполагал, что на Томи существовала культура явно лесного облика, на которую карасукские племена оказали опосредованное влияние [12. С. 122–123, 132].

М.Ф. Косарев к нижнетомским памятникам томского (северного) варианта ирменской культуры относил слой Самусьского IV поселения, поселенческий слой городища Басандайское, Шеломок, Каштак, Томское Лагерное, местонахождение у пос. Чекист [13. С. 173, 178]. В I тыс. до н.э., по мнению исследователя, основные направления этнокультурных воздействий в Приобье проходили с севера на юг (потомки древних самусьцев) и одновременно с юго-востока на северо-запад (карасукское население) [14. С. 16–17; 15. С. 42; 16. С. 27].

В 1960-х гг. М.Ф. Косарев считал, что ирменская культура на территории Обь-Иртышья сформировалась на базе еловского, северо-таежного и карасукского компонентов. При этом карасукскому компоненту он отводил второстепенную роль, а роль андроновского компонента отрицал полностью [17. С. 171–174].

Однако в 1970-х гг. М.Ф. Косарев изменил свою точку зрения в связи с окончательным признанием в среде научного сообщества ирменской культуры и удревнению выделенной им еловской культуры. Он полагал, что в генезисе варианта ирменской культуры в Нижнем Притомье участвовали местный еловско-десятовский компонент (сложившийся из среднеиртышских, самусьских и томских племен) и пришлый из Минусинской котловины карасукский [16. С. 30; 17. С. 171–173]. В основе обоих компонентов, по мнению исследователя, лежал андроновский (федоровский) пласт, хотя ранее участие андроновского компонента он полностью отрицал. Таким образом, М.Ф. Косарев относил ирменскую культуру к кругу культур карасукского типа [13. С. 161]. Он уточнял, что употребление термина «томский карасук», введенного М.П. Грязновым, вносит путаницу и приводит к тому, что к собственно карасукской культуре относят абсолютно всякую керамику с резным геометрическим орнаментом [17. С. 174].

В.А. Посредников, как и М.Ф. Косарев, считал еловский компонент, сформировавшийся на базе местной томской культуры и пришлых андроновских племен [18. С. 170], основным составляющим ирменской культуры [19. С. 188–189]. Но влияние енисейского карасукского населения из-за малого распространения типичных карасукских вещей В.А. Посредников отрицал. Он полагал, что носители карасукской культуры Енисея оказывали лишь опосредованное влияние на население Западной Сибири через алтайско-верхнеобские племена, продвинувшиеся в начале I тыс. до н.э. по пойме Оби на север. Таким образом, по мнению исследователя, еловские племена смешались с алтайско-верхнеобскими мигрантами и сформировали ирменскую культуру [Там же. С. 191].

В.И. Матющенко на территории лесного и лесостепного Приобья по распространенности типов сосудов выделял девять локальных вариантов еловско-ирменской культуры на территории Западной Сибири, прошедшей в своем развитии два последовательных этапа: еловский и ирменский [20. С. 87–89]. К нижнетомскому району еловско-ирменской культуры он относил такие памятники, как Шеломок, Басандайка, Томский могильник, Томское поселение, Самусь III и IV.

Еловско-ирменская культура, по мнению В.И. Матющенко, представляла сложное историческое образование, возникшее в ходе взаимодействия различных по своему происхождению компонентов. В Приобье носители культуры были преемниками самусьской традиции [Там же. С. 128, 132]. На еловском этапе проявлялась генетическая близость самусьского и окуневского населения, что привело к сложению некоторых сходных форм культур у носителей еловско-ирменской и карасукской культур [Там же. С. 149, 168]. Вторым компонентом еловско-ирменской культуры стал андроновский, под воздействием которого происходили основные изменения в культуре [Там же. С. 136, 143]. Влияние карасукских верхнеобских племен придало соответствующую окраску ирменскому этапу [Там же. С. 142, 144, 162–163]. Таким образом, по мнению ученого, формирование еловско-ирменской культуры предполагало наличие в лесном и лесостепном Приобье автохтонного компонента, который мог быть как андроновским, так и самусьским [Там же. С. 158]. М.Ф. Косарев в противовес В.И. Матющенко полагал, что ирменская и еловская культуры не могли относиться к единому еловско-ирменскому комплексу из-за различий в керамике, ее орнаментации, а также в погребальном обряде [13. С. 180]. Н.Л. Членова считала еловскую культуру не предшественницей ирменской, а соседней культурой, сосуществовавшей с ней на границе с лесными районами [1. С. 209].

Д.Г. Савинов и В.В. Бобров высказали свое мнение насчет генезиса ирменской культуры в целом. Они отметили участие андроновского и карасукского (минусинского) компонентов [21. С. 60–62]. Последний, по их мнению, являлся результатом диффузии, т.е. ирменские аналоги карасукских вещей – это не заимствования, а переработанное в местной среде явление [22. С. 122–135]. Исследователи по степени проявле-

ния карасукского компонента делят ирменскую культуру по особенностям признаков памятников на две большие территории: 1) Верхняя Обь, южная часть Новосибирского Приобья и бассейн р. Иня; 2) Томское и северная часть Новосибирского Приобья. Д.Г. Савинов и В.В. Бобров говорят о слабой изученности северных районов лесостепного Приобья (куда входит и территория Нижнего Притомья), что значительно затрудняет выяснение генезиса ирменской культуры данного региона. Вместе с тем они упоминают об особенностях нижнетомских памятников, имея в виду то, что в Томском Приобье значительно сильнее проявляются связи с местными лесными памятниками – самусьскими и еловскими [21. С. 61–62].

В.И. Молодин не подвергает сомнению выделение ирменской культуры как самостоятельного явления, а не варианта карасукского субстрата [23. С. 137]. На основе материалов Барабы он высказал новое предположение о генезисе ирменской культуры, основными компонентами которой являются андроновский и позднелесостепный. Влияние же карасукской культуры он считает опосредованным через лежащий в основе ирменской и карасукской культур андроновский (федоровский) пласт. Кроме того, по мнению В.И. Молодина, существовали и прямые связи между ирменцами и карасуками, что стало причиной появления карасукских вещей в ирменской среде [Там же. С. 140]. В 1979 г. исследователь выделил позднеирменскую культуру переходного от бронзы к железу времени [24. С. 110–112]. Выделенная культура имеет генетическое сходство с предшествующей ирменской и более поздней большереченской культурой [23. С. 171]. Относительно культурогенеза населения Нижнего Притомья В.И. Молодин полагает, что проявление ирменских элементов в позднелесостепной керамике объясняется развитой речной системой, которая позволяла поздним еловцам мигрировать на юг, а ирменцам – на север. Исследователь говорит о том, что еловская культура на последнем этапе своего бытования сосуществовала с ирменской и испытывала мощное влияние последней. Таким образом, нижнетомские памятники В.И. Молодин относит к томскому локальному варианту ирменской культуры, сформировавшемуся на основе синтеза позднелесостепного и ирменского населения [Там же. С. 138–139].

А.В. Матвеев отрицал возможное участие еловского компонента в становлении всей ирменской культуры по той причине, что еловские памятники были расположены в узкой пограничной полосе между тайгой и лесостепью, тогда как ирменские памятники распространены в основном по лесостепи, и именно там должен был происходить процесс становления ирменской культуры [25. С. 12–13]. Таким образом, он считал, что формирование ирменской культуры произошло в южных районах лесостепного Приобья на основе памятников ордынского типа, генетически связанных с андроновскими (федоровскими), а затем ирменцы мигрировали на территорию Нижней Томи. А.В. Матвеев разделил ирменскую культуру на три этапа: быстровский, ирменский и позднеирменский; он указывал на то, что каждый этап имеет свои особенности, сформировавшиеся под влиянием различных культурных связей

(с западным Алтаем, с Восточным Казахстаном, с еловцами) [Там же. С. 93, 135]. Связь с карасукскими племенами Минусинской котловины А.В. Матвеев отрицал, предполагая, что в Западной Сибири керамика карасукского типа имела местные корни, а сходство карасукской и быстровской посуды являлось результатом не миграций минусинского населения в Приобье, а следствием общей для этих культур андроновской основы [Там же. 110]. Исследователь полагал, что в Нижнем Притомье носители андроновской культуры сменили самусьское население [Там же. С. 94]. На быстровском и ирменском этапах племена ирменской культуры существовали синхронно и были тесно связаны с еловским населением, а также с обитателями Восточного Казахстана [Там же. С. 108–109]. Кроме того, именно ирменцы оказывали сильное культурное влияние на поздних еловцев, а не наоборот [Там же. С. 120].

На проблему датировки ирменской культуры существуют различные точки зрения, хотя и достаточно близкие. С.А. Теплоухов датировал карасукскую культуру Минусинской котловины и Западной Сибири приблизительно концом II – началом I тысячелетия до н.э. (X–VIII вв. до н.э.). К.Э. Гриневич считал, что в районе устья р. Томи карасукская культура могла существовать и позже данного срока, но не уточнял, на сколько именно позже [7. С. 146]. М.П. Грязнов связывал памятники карасукской эпохи на Верхней Оби (куда включал и нижнетомские) с памятниками предскифского времени (конец II тысячелетия – VIII в. до н.э.) [9. С. 36].

С.В. Киселев предполагал, что находки из Томского могильника одновременны позднеандроновским предметам с этого же могильника [6. С. 179]. Кроме того, по его мнению, носители карасукской культуры проникли в низовья Томи сравнительно поздно, о чем свидетельствуют находки раннетагарских вещей в этом же могильнике. М.Н. Комарова датировала погребения на Малом мысу Томского могильника переходным андроновско-карасукским временем, а на Большом мысу – временем большереченской культуры (VII–VI вв. до н.э.) [8. С. 27, 42, 46]. Н.Л. Членова определяла ирменскую культуру в рамках IX–VII вв. до н.э. [2. С. 22] М.Ф. Косарев допускал датировку памятников ирменской культуры в пределах IX (X)–VIII вв. до н.э. [13. С. 180; 14. С. 121; 16. С. 30; 17. С. 169; 26. С. 230].

В.И. Матющенко при сопоставлении еловско-ирменской культуры с другими культурами эпохи бронзы сделал вывод о том, что памятники данной культуры занимают последнее место в хронологической шкале культур эпохи бронзы. Они хронологически смыкаются с носителями андроновской и самусьской культур, с одной стороны, и большереченской и тагарской – с другой [20. С. 72, 75]. Он датировал еловско-ирменскую культуру в достаточно широких значениях: XII–VIII – началом VII вв. до н.э. [Там же. С. 74, 76]. Сам же ирменский этап по периодизации В.И. Матющенко укладывается в пределы VIII–VII вв. до н.э. [Там же. С. 79]. В.А. Посредников считал ир-

менскую культуру финальной стадией бронзового века (IX–VIII вв. до н.э.) [18. С. 171].

В.И. Молодин также был склонен датировать памятники ирменской культуры IX–VIII (началом VII) вв. до н.э. [23. С. 137–138]. В последних своих работах ученый предлагает более дробную хронологию, основанную на результатах радиоуглеродных анализов материалов с городища Чича-1. Он поделил культуру на ирменскую (XIV–X вв. до н.э.) и позднеирменскую (переходную от эпохи бронзы к раннему железному веку: первая половина X – VIII в. до н.э.) [3. С. 68–69]. А.В. Матвеев быстровский этап ирменской культуры отнесил к середине XII – до середины XI в. до н.э. [25. С. 112]. Ирменский этап – конец XI – конец IX в. до н.э. [Там же. С. 127]. Позднеирменский этап – первая половина VIII в. до н.э. [Там же. С. 132].

Несмотря на то, что нижнетомские памятники ирменской культуры по своим материальным признакам вполне укладываются в общепринятую хронологическую шкалу (XIV–VII вв. до н.э.), все же вопрос об их датировке остается открытым, потому что на данный момент не получено радиоуглеродных дат с памятников данной территории.

Таким образом, в историографии ирменской культуры можно выделить два этапа (без дореволюционного этапа по Матвееву, поскольку он представлял собой фактически только сборы материалов [Там же. С. 7–8]). На первом этапе, с 1920-х по начало 1950-х гг., памятники ирменской культуры Западной Сибири в целом и Нижнего Притомья в частности считались относящимися к карасукской культуре. С середины 1950-х гг., после того как Н.Л. Членова выделила ирменскую культуру, начался новый этап изучения, продолжающийся по сегодняшний день. Памятники эпохи поздней бронзы на территории лесостепной полосы Западной Сибири стали относиться уже не карасукской, а к ирменской культуре.

В 1973 г. Н.Л. Членова выделила окраинные локальные варианты ирменской культуры, среди которых не было томского. М.Н. Комарова в 1952 г. предположила на территории Нижнего Притомья существование особой карасукской культуры, подвергшейся влиянию местных традиций, но она не обладала достаточным количеством данных, чтобы обосновать выделение особого варианта. М.П. Грязнов, так же как и М.Н. Комарова, в 1952 г. предположил о наличии [27. С. 151], а в 1956 г. окончательно выделил Томский район, как он считал, карасукской культуры и стал первым исследователем, обосновавшим на основе отличия материальной культуры некоторую особенность рассматриваемого региона. В дальнейшем ученые, так же как и М.П. Грязнов, обращали внимание, что нижнетомские ирменские памятники имеют отличительные от основного массива ирменских материалов признаки материальной культуры (правда, не всегда прописывали, какие именно), и выделяли локальный томский вариант, который возник под влиянием местного, лесного компонента.

Таким образом, анализ литературы по вопросам генезиса ирменской культуры на территории Нижнего Притомья показал, что все исследователи признают

основным компонентом формирования ирменской культуры на территории Нижнего Притомья андроновский субстрат. Взгляды разнятся лишь на то, было ли участие андроновцев прямым (С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, Н.Л. Членова) или опосредованным (М.Ф. Косарев, В.А. Посредников, В.И. Матющенко, Д.Г. Савинов, В.В. Бобров, В.И. Молодин, А.В. Матвеев).

Вторым компонентом, участвовавшим в генезисе локального варианта ирменской культуры в Нижнем Притомье и придавшим ему некоторые особенности, была какая-либо местная лесная культура: самусьская или еловская (М.Ф. Косарев, В.А. Посредников, В.И. Матющенко, Д.Г. Савинов, В.В. Бобров, В.И. Молодин, А.В. Матвеев).

Судя по тому, что ирменская культура по своему облику является лесостепной, стоит признать, что, действительно, формироваться в контактной зоне лесостепи и тайги она не могла. Скорее всего, ее носители пришли на территорию Нижнего Притомья в самом конце существования еловской культуры (Д.Г. Савинов, В.В. Бобров, В.И. Молодин, А.В. Матвеев), и здесь, благодаря активному взаимовлиянию (с преобладанием ирменского компонента) местного и пришлого населения, сформировались локальные особенности ирменской культуры, которые и стали причиной выделения многими исследователями томского варианта. При этом вопрос о правомерности выделения локального варианта остается открытым, так как труды, в которых в той или иной степени описывается своеобразие памятников ирменской культуры на территории Нижнего Притомья, относятся ко второй половине XX в. А для рассмотрения особенностей, в которых могло проявиться культурное своеобразие региона, необходимо привлечь материалы однослойного памятника с территории Нижнего Притомья (таким памятником может стать местонахождение Чекист) и сопоставить их с новейшими открытиями, относящимися к изучению ирменской археологической культуры в других регионах.

В русле данной темы необходимо упомянуть и комплексное историографическое исследование ирменской культуры, проведенное С.А. Ковалевским. В своей работе он проанализировал всю имеющуюся на сегодняшний день информацию по истории изучения ирменских древностей. Относительно региона Нижнего Притомья он отмечает некоторую свернутость исследований во второй половине XX в., а следовательно, недостаточность информации о культурном развитии данной территории в конце эпохи поздней бронзы [28. С. 18–19].

Необходимо открывать, изучать и вводить в научный оборот материалы новых репрезентативных источников не только для того, чтобы окончательно решить вопрос о генезисе и датировке ирменской культуры на территории Нижней Томи, но и для того, чтобы появилась возможность с помощью современных междисциплинарных методов познания проанализировать своеобразие материалов нижнетомских памятников в сравнении с другими общепризнанными локальными вариантами ирменской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Членова Н.Л. Ирменская культура и ее локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 207–209.
2. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М. : Наука, 1994. 170 с.
3. Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии, 2009. Т. 3. 248 с.
4. Членова Н.Л. О культурах эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. 1955. Т. XXIII. С. 38–57.
5. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л. : Изд. Государственного Русского музея, 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
7. Гриневич К.Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 140–147.
8. Комарова М.Н. Томский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1952. № 24. С. 7–50.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 163 с.
10. Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1956. Вып. 64. С. 27–42.
11. Членова Н.Л. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII–VII вв. до н.э.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем : тез. докладов и сообщений всесоюз. науч. конф. (13–15 октября 1981 г.) Новосибирск, 1981. Вып. III: История и культура народов Сибири. С. 17–21.
12. Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // Советская археология. 1964. № 2. С. 122–133.
13. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 279 с.
14. Косарев М.Ф. Древняя культура Томско-Нарымского Приобья. М. : Наука, 1974. 168 с.
15. Косарев М.Ф. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья // Советская археология. 1964. № 3. С. 37–44.
16. Косарев М.Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // Советская археология. 1966. № 2. С. 24–32.
17. Косарев М.Ф. О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии : межвуз. сб. науч. трудов. М. : Наука, 1964. С. 169–175.
18. Посредников В.А. Томское Приобье в карасукское время // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы межвуз. конф., 11–13 мая 1969 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 169–172.
19. Посредников В.А. К вопросу о происхождении ирменской культуры // Материалы науч. конф. молодых ученых вузов г. Томска. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. Т. 2: Секция гуманитарных наук. С. 188–191.
20. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. Ч. 4: Еловско-ирменская культура. 195 с. (Из истории Сибири. Вып. 12).
21. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 1978. С. 41–62.
22. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инь // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 1981. С. 122–135.
23. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
24. Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Тезисы докладов Всесоюз. археологической конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово : Изд-во КемГУ, 1979. С. 110–112.
25. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. 181 с.
26. Косарев М.Ф. Рецензия: Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. // Советская археология. 1996. № 2. С. 229–230.
27. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. № XVI. С. 129–162.
28. Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 43 с.

Popova Bogdana S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

THE MONUMENTS OF THE IRMEN CULTURE OF THE LOWER TOM RIVER AREA. THE HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Keywords: the Irmen culture; the Tomsk variant; Late Bronze Age Period; the historiography.

The approaches, which deal with origin, development and dating of the Irmen archaeological culture on the territory of the Lower Tom River Area, are firstly analyzed by the author. The article begins with the data about allocation of the Irmen culture and its local variants, determines the relevance of the geographical location of this region and its role in the cultural and historical contacts between forest-steppe and taiga population groups, gives information about relevance of research. The author divides the history of study of the Irmen culture into two periods: from 1920 to 1950 years, because scientists believed that the monuments of the Irmen culture were attributed to Karasuk culture; and from 1950 to present days as N.L. Chlenova proved the existence of the separate Irmen culture as a fact. In 1973 N.L. Chlenova raised the issue of identification of local variants of the Irmen culture and this issue is highly relevant today. In 1952 M.P. Gryaznov claimed about existence of the Tomsk local variant. The author aimed at considering the available literature on the topic and concluded that many scientists after M.P. Gryaznov identified the Tomsk variant, but nobody analyzed its cultural specificity. The issue of identification of local Tomsk variant of the Irmen culture is complicated because the researchers do not have the materials of representative single layer Irmen monument from the territory of the Lower Tom River Area. The author considers that this monument might be the place Chekist. Therefore, the article generalizes views of researchers on genesis and dating of the Tomsk variant of the Irmen culture, who referred to materials of the monuments of Late Bronze Age of the Lower Tom River Area. The problem of introduction of new Irmen materials of the Lower Tom River Area, definition of their cultural features with the assistance of modern interdisciplinary methods and their comparison with other local variants of the Irmen culture is highlighted in the article.

The author's attention is focused on two aspects of research of the Tomsk variant of the Irmen culture. At the beginning the concepts of genesis of this local variant are analyzed, then views on the dating of the Irmen culture are given in general. Also the author raises the issue of the dating of Tomsk local variant. The author concludes that it is necessity to study both above-mentioned issues and cultural features of the monuments of the Irmen culture based on new sources in scientific circulation.

REFERENCES

1. Chlenova, N.L. (1973) Irmenskaya kul'tura i ee lokal'nye varianty [Irmen culture and its local variants]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of aborigines of Siberia and their languages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 207–209.
2. Chlenova, N.L. (1994) *Pamyatniki kontsa epokhi bronzы v Zapadnoy Sibiri* [Monuments of the late Bronze Age in Western Siberia]. Moscow: Nauka.
3. Molodin, V.I., Partsinger, G., Krivonogov, S.K. et al. (2009) *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi* [Chicha as the ancient settlement of the transition from bronze to iron time in the Barabinsk forest-steppe]. Vol. 3. Novosibirsk: Institute of Archeology.
4. Chlenova, N.L. (1955) O kul'turakh epokhi bronzы lesostepnoy zony Zapadnoy Sibiri [On the Bronze Age cultures of the forest-steppe zone of Western Siberia]. *Sovetskaya arkheologiya*. Vol. 23. pp. 38–57.
5. Teploukhov, S.A. (1927) Drevnie pogrebeniya v Minusinskom krae [Ancient burials in Minusinsk region]. *Materialy po etnografii*. 3(2). Leningrad: The Russian State Museum. pp. 57–112.
6. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The ancient history of southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
7. Grinevich, K.E. (1947) Opyt klassifikatsii i datirovki basandayskoy keramiki [Classification and dating of Basandai ceramics]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti* [Basandaika. Collection of materials and research on the archeology of Tomsk region]. Tomsk: [s.n.]. pp. 140–147.
8. Komarova, M.N. (1952) Tomskiy mogil'nik [Tomsk burial ground]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 24. pp. 7–50.
9. Gryaznov, M.P. (1956) Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob on the excavations near the village Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 48.
10. Gryaznov, M.P. (1956) K voprosu o kul'turakh epokhi pozdney bronzы v Sibiri [On the Late Bronze Age Cultures in Siberia]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury (KSIIMK)*. 64. pp. 27–42.
11. Chlenova, N.L. (1981) [Karasuk cultures of Siberia and Kazakhstan and their role in the Cimmerian-Karasuk world (XIII - VII centuries. BC)]. *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Siberia in the Past, Present and Future]. Proc. of the Conference. Novosibirsk. October 13–15, 1981. Novosibirsk. pp. 17–21. (In Russian).
12. Martynov, A.I. (1964) Novyy rayon karasukskoy kul'tury [New district of Karasuk culture]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 122–133.
13. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [Bronze age of Western Siberia]. Moscow: Nauka.
14. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient cultures of Tomsk-Narym Priobe]. Moscow: Nauka.
15. Kosarev, M.F. (1964) Bronzovyy vek lesnogo Ob'-Irtysh'ya [Bronze age of the forest Ob-Irtyshya]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 37–44.
16. Kosarev, M.F. (1966) Nekotorye problemy drevney istorii Ob'-Irtysh'ya [Some problems of the Ob-Irtysh ancient history]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 24–32.
17. Kosarev, M.F. (1964) O proiskhozhdenii irmenskoy kul'tury [On the origin of the Irmen culture]. In: Bader, O.N. (ed.) *Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii* [Monuments of the Stone and Bronze Ages of Eurasia]. Moscow: Nauka. pp. 169–175.
18. Posrednikov, V.A. (1969) Tomskoe Priob'e v karasukskoe vremya [The Tomsk Ob in Karasuk time]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of Siberian aborigines and their languages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 169–172.
19. Posrednikov, V.A. (1968) K voprosu o proiskhozhdenii irmenskoy kul'tury [On the origin of the Irmen culture]. In: *Materialy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh vuzov g. Tomsk* [Proceedings of the Conference of Young Tomsk Researchers]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 188–191.
20. Matyushchenko, V.I. (1974) *Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya* [The ancient history of the population of forest and forest-steppe Priobe]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Savinov, D.G. & Boborov, V.V. (1978) Titovskiy mogil'nik (k voprosu o pamyatnikakh epokhi pozdney bronzы na yuge Zapadnoy Sibiri) [The Titovsky burial ground (on monuments of the Late Bronze Age in the south of Western Siberia)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 41–62.
22. Savinov, D.G. & Bobrov, V.V. (1981) Titovskiy mogil'nik epokhi pozdney bronzы na reke Ine [The Titovsky burial site of the Late Bronze Age on the River Inya]. In: Troitskaya, T.N. (ed.) *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha kamnya i bronzы* [Problems of West Siberian Archeology. The Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk: Nauka. pp. 122–135.
23. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzы* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
24. Molodin, V.I. (1979) Nekotorye problemy perekhodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v Novosibirskom Priob'e i lesostepnoy Barabe [Some problems of the time of transition from bronze to iron in the Novosibirsk Ob and forest-steppe Baraba]. In: Dobzhanskiy, V.N. (ed.) *Problemy skifosibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva* [Problems of Scythian-Siberian Cultural-Historical Unity]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 110–112.
25. Matveev, A.V. (1993) *Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e* [Irmen culture in the forest-steppe Priobe]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Kosarev, M.F. (1996) Retsenziya: Chlenova N.L. Pamyatniki kontsa epokhi bronzы v Zapadnoy Sibiri [Review: Chlenova N.L. Monuments of the end of the Bronze Age in Western Siberia]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 229–230.
27. Gryaznov, M.P. (1952) Pamyatniki karasukskogo etapa v Tsentral'nom Kazakhstane [Monuments of the Karasuk Stage in Central Kazakhstan]. *Sovetskaya arkheologiya*. 16. pp. 129–162.
28. Kovalevskiy, S.A. (2016) *Irmenskie drevnosti yuga Zapadnoy Sibiri: istoriya izucheniya i issledovatel'skie kontseptsii* [Irmen antiquities of the south of Western Siberia: the history of the study and research concepts]. Abstract of History Dr. Diss. Barnaul.